

Майкл Терри

СТРАШНАЯ
история

16+

Майкл Терри
Страшная история

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Терри М.

Страшная история / М. Терри — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04590-3

Двадцатилетняя Джессика Карлсон, ослепшая в результате автокатастрофы, переезжает с мамой на новое место жительства - в старый дом и в первую же ночь понимает, что вокруг происходит нечто странное и необъяснимое, связанное с потусторонним миром. Джесси далеко не суеверный человек, но на следующий день она узнает от соседа, что в стенах этого дома когда-то давно было совершено жестокое убийство. То, с чем придется столкнуться нашей героине в окружении молчаливых стен - страшно, но попытка разгадать тайны дома обернется для Джесси абсолютным кошмаром.

ISBN 978-5-532-04590-3

© Терри М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
1	8
2	10
3	12
4	14
5	17
6	19
7	20
8	21
9	23
10	25
11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Майкл Терри

Страшная история

Пролог

(август 1978)

Ах, этот чертов супермаркет, доверху набитый людьми, бесконечные очереди тупых болванов перед кассами оплаты, и не менее глупые кассиры, у которых случаются проблемы чуть ли не с каждым вторым покупателем – то дает сбой кассовый аппарат, то нет сдачи в виде мелких монет, ругаюсь я про себя понимая, что сильно опаздываю. Сильнее нажав на педаль газа, я внимательно слежу за дорогой и прикидываю, что должна быть дома менее, чем через десять минут. Папа, наверное, уже заждался и проклинает, на чем свет стоит, мою медлительность, но это ерунда. Я не буду обращать никакого внимания на его нападки, а лишь быстро поменяю ему посудину, расправлю простыню и побегу на кухню готовить ужин.

Внезапно где-то под капотом раздаётся глухой хруст и автомобиль резко тянет вправо. Я, изо всех сил вцепившись в руль, выворачиваю его в противоположную сторону, но это не срабатывает. Автомобиль на полной скорости начинает сносить к тротуару, по которому вприпрыжку бежит какой-то мальчишка с пакетом в руках.

– О, Боже... – сквозь зубы выдавливаю я и со всей силы нажимаю на педаль тормоза. Машину несет юзом, слышится страшный визг тормозов, но уже поздно, поэтому всё, что мне остается сделать – это зажмурить глаза, крепче сжать зубы и через несколько секунд почувствовать сильный удар.

Меня подбрасывает в водительском кресле, и я сильно ударяюсь лбом об руль, а потом раскрываю глаза, в ужасе смотрю на потрескавшееся в мелкую сетку лобовое стекло и убеждаюсь в том, что врезалась прямо в фонарный столб, который чудом устоял на месте, а из-под мятого капота машины валит густой белый дым. Я бешено оглядываюсь. Где же мальчик? Успел ли он отскочить в сторону?

Нет, не успел.

Впереди, метрах в десяти по ходу движения я вижу его, лежащего ничком на проезжей части, по которой расплзается небольшая лужа ярко-алой крови, а с противоположной стороны улицы в его сторону спешит какая-то грузная женщина. Из остановившейся машины, двигавшейся во встречном направлении, выскакивают еще двое мужчин и тоже бросаются к мальчику.

– О, Боже... – повторяю я, надеясь в глубине души, что удалось избежать самого страшного и, несмотря на сильную головную боль и головокружение, выбегаю из покореженного автомобиля и со слезами на глазах кидаюсь к мальчику вместе с остальными. Остановившись прямо перед ним, я широко распахнутыми от ужаса глазами смотрю, как какая-то незнакомая дама делает ему искусственное дыхание. Лицо мальчика, которому на вид не больше десяти лет, корчится в мучительной гримасе, глаза невидяще смотрят куда-то в небо и тело сильно дрожит, а изо рта и из носа струится ярко-алая кровь.

– Срочно, кто-нибудь, вызовите скорую!

– Владелец кафе напротив уже позвонил им. Они будут с минуты на минуту.

– Среди нас есть врач?

– Нужно попытаться остановить кровотечение.

Взволнованные голоса и рёв приближающейся сирены поглощают звуки привычной спокойной и беспечной жизни сонного пригорода большого города.

– Господи, что же вы наделали... – со вздохом произносит какой-то широколицый усатый мужчина и осуждающе качает головой, строго глядя на меня, но я не отвечаю. Не смея отвести глаза в сторону, я, застыв, словно памятник, продолжаю разглядывать корчащегося в агонии мальчика, которого случайные прохожие всеми силами пытаются вернуть к жизни.

– У них ничего не получится, – раздается вдруг откуда-то снизу равнодушный детский голос.

Я вздрагиваю и перевожу взгляд в сторону голоса. По левую руку от меня стоит мальчик, один в один как тот, который лежит на асфальте, включая одежду, только очень бледный и без крови на лице, а его глаза... Господи, какие это страшные глаза!

Окруженные черными кругами матовые глаза без зрачков.

И эти глаза, наполненные скорбью, печалью, горем и непониманием смотрят прямо на меня.

Я пошатываюсь, с трудом удерживаясь на ногах, и немного отступаю в сторону.

– За что ты убила меня? – с обидой в голосе спрашивает он, делая шаг ближе и снова сокращая дистанцию между нами до прежнего уровня.

– Я... – заикающимся от страха и шока голосом выдавливаю я из себя. – Я...

– Что – ты? Хочешь сказать, что тебе очень жаль и ты сожалеешь о произошедшем? Думаешь, мне или моим родителям будет легче от твоего раскаяния?

Переведя ошарашенный взгляд на место происшествия, я с ужасом смотрю, как команда людей в белых халатах окружает мальчика, лежащего на дороге, и дружно склоняется над его уже не дергающимся телом, безуспешно проводя реанимационные мероприятия, а два санитары раскладывают рядом носилки. Вокруг множество людей – врачи, полицейские, случайные прохожие и водители других транспортных средств, а в центре всего этого – один единственный маленький мальчик, который погиб из-за меня. Люди еще надеются, что мальчик вырвется из цепких лап смерти, но я уже знаю, что чуда не произойдет.

– За что ты убила меня? – повторяет он свой страшный вопрос. – Мне ведь было всего восемь лет. Я просто возвращался из магазина, в который бегал по поручению матери. За что?..

Вскрикнув и подскочив на кровати, я открыла глаза и обнаружила, что нахожусь в своей темной комнате, которую едва-едва освещал тусклый ночник, стоящий на прикроватной тумбочке. Я перевела взгляд на темное окно, за которым царствовала очередная летняя ночь.

Это был просто сон...

Тот же самый страшный сон. Должно быть, как я ни пыталась бодрствовать, все же уснула. Подняв дрожащую руку, я трясущимися пальцами вытерла со лба холодный пот. Сердце колотилось в груди с такой силой, что на мгновение мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание от таких сильных внутренних ударов об грудную клетку или оно просто разорвется прямо в моей плоти. Найдя в себе силы, я поднялась с кровати, но мои ватные ноги дрожали так, что я вынуждена была тут же плюхнуться обратно и обреченным взглядом уставиться в темный потолок.

Я все чаще и чаще вижу Вилсона Берри в своих снах, и с каждым разом эти сны становятся все ярче, все реальнее. Я просыпаюсь в муках и страданиях, а потом не хочу, да и не могу уснуть, дрожа всем телом и обливаясь слезами до самого утра.

Последнее время я почти не сплю и очень боюсь в один прекрасный момент сойти с ума. Боже, как я устала...

Но я не жалею.

Так мне и надо.

Я сама заслужила это и даже больше.

Я – убийца. Я была так легкомысленна, так неосторожна, так небрежна, так глупа, что убила человека. Даже не человека, а того, кто только собирался стать человеком. Я убила восьмилетнего мальчика. Я, именно я, а не кто-то другой, убила Вилсона Берри.

Это случилось в самом начале весны, ровно пять месяцев назад.

1

(август 2018)

– Все в порядке, Джесси, – подбадривающим тоном произнесла мама, стоя за моей спиной. – Лестница на второй этаж находится прямо по курсу, просто будь внимательнее и осторожнее, когда ощупываешь пространство впереди себя тростью.

– Я все еще не могу привыкнуть к этой проклятой палке, – пробормотала я в ответ, постукивая тростью по полу впереди себя. – Мне постоянно кажется, что в следующую секунду я обязательно врежусь переносицей в какую-нибудь стену.

– Со временем ты привыкнешь, родная, – мягким, заботливым, но очень уверенным голосом отозвалась мама. – Уверена, что очень скоро ты научишься прекрасно ориентироваться в пространстве, а в один прекрасный момент сможешь обходиться в стенах дома даже без трости.

Я открыла было рот, чтобы возразить ей и сказать, что легче всего рассуждать о том, каково это – быть слепой и давать ненужные советы, если не представляешь, что это такое, но вовремя сдержалась. В конце концов, в том, что произошло со мной, виновата только я сама, но не мама.

– Спокойно, – продолжала она. – Ты все делаешь правильно. Теперь подними ногу и встань на первую ступеньку.

Я остановилась, замерла на мгновение, а потом очень осторожно оторвала от пола правую ступню и поставила ее на довольно высокую ступеньку, которая жалобно и надсадно скрипнула подо мной, раздражающе резанув ухо своим противным стоном.

– Дом, явно, не первой свежести, – буркнула я, покачав головой. – И можешь не переубеждать меня в обратном, мамочка.

– Это, действительно, так, – виноватым голосом ответила мама и, вздохнув, добавила. – Но это лучшее, что мы можем позволить себе в ближайшее время... Операции дорого обошлись нам, милая, и...

– Я знаю, – оборвала я ее, не желая развивать эту тему. – Знаю. Прости, мамочка.

– Ничего страшного. Просто продолжай подниматься и помни, что я страхую тебя со спины, на случай, если ты случайно оступишься.

Схватившись левой рукой за перила и продолжая ощупывать тростью, которую крепко сжимала в правой руке, пространство впереди себя, я продолжила подъем по слегка изгибающейся лестнице и очень скоро оказалась на площадке второго этажа.

– Умничка! – похвалила меня мама. – У тебя получилось! Для меня было очень важным, чтобы ты самостоятельно справилась с этим заданием, ведь значительную часть времени тебе придется оставаться в доме одной, родная.

В ответ на это я лишь сильнее сжала губы и мне снова стало очень жалко себя. Господи, мне целых двадцать лет, подумала я в сотый раз, но я больше похожа не на взрослую самостоятельную девушку, а на только что родившегося слепого котенка, спотыкающегося в темноте на слабых лапках и не способного ни на что без помощи своей зрячей матери.

Без нее мне давно пришел бы конец, но самое страшное, что осознание этого будет преследовать меня до конца моих дней. Я обречена на вечную слепоту и на глупую надежду на то, что ученые успеют до моей кончины придумать что-то такое, что совершит переворот в медицине, и врачи научатся возвращать слепым зрение. Какой бы фантастической не была эта надежда, но только она, пожалуй, давала мне силы идти дальше, а не покончить жизнь самоубийством.

Когда я находилась в больнице, врачи, как заговоренные, без конца повторяли, словно заклинание, что жизнь не окончена, что я очень быстро приспособлюсь к новой реальности и смогу чувствовать себя полноценным членом общества, то же самое постоянно повторяла

мама, но, думаю, они все ввали мне. Это были просто слова, вселяющие в меня пустые надежды и направленные только на то, чтобы я не наложила на себя руки.

Я – слепая, так что моя жизнь закончилась. В один прекрасный день всё чудесным образом не изменится к лучшему, хотя я очень на это надеюсь.

Протянув руку в сторону, я потрогала прохладную стену и отчетливо ощутила пальцами старые обои, шелушащиеся на отошедших от поверхности стыках, за которыми прощупывалась сделанная из крепкого кирпича кладка.

– Да уж... Мои подозрения полностью подтверждаются... – разочарованно произнесла я и снова покачала головой. – Надеюсь, крыша не обвалится на нас сверху в течение ближайшего получаса.

– Не преувеличивай, милая, – отозвалась мама и, скорее всего, улыбнулась. – Но то, что дом нуждается в хорошем ремонте – бесспорно. Мы займемся решением этого вопроса сразу же, как только у нас появится такая возможность, обещаю!

В ответ на это я беззлобно ухмыльнулась и сделала несколько шагов вдоль стены, слушая стоны старых половиц под моими ногами, словно им было очень больно, когда я наступала на них.

– Итак, мы находимся на площадке второго этажа! – радостным голосом объявила мама. – Если идти прямо, то окажешься у окна, под которым стоит прекрасный декоративный столик на трёх изогнутых ножках!

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – с досадой пробормотала я в ответ.

– Все будет хорошо, родная. Ты привыкнешь и всё наладится, обещаю.

Но я знала, что она снова лжет. Ничто никогда не наладится. Мне придется всю оставшуюся жизнь оставаться слепой, и я никогда не узнаю, как выглядит этот замечательный декоративный столик на трёх изогнутых ножках, стоящий у окна. Я никогда не увижу прекрасный, должно быть, вид из этого, должно быть, не менее замечательного окна. Теперь я даже не совсем человек и нахожусь на одной ступени развития с домашними животными, да и то, благодаря лишь тому, что у меня остались человеческие разум и память, а еще я могу положиться на помощь мамы. Но что же со мной случится, если ее вдруг не станет, мелькнула в голове тревожная мысль, ведь никто из людей не застрахован от несчастного случая или внезапной смерти. Я буду ждать маму одна в темном, полуразваленном доме, но она не придет и не приготовит мне завтрак. Сколько я протяну без нее, не сдохнув от голода и жажды? И кто же позаботится обо мне? От этих мыслей в моей душе похолодело и мне стало очень страшно.

– Сюда, милая, – голос мамы вырвал меня из печальных размышлений. – Сделай три шага вдоль левой стены и окажешься у входа в свою комнату.

– Не подсказывай! – раздраженно вскрикнула я и чуть не разрыдалась. – Перестань разговаривать со мной, как с маленьким ребенком! Мне двадцать лет!

Постаравшись успокоиться и взять себя в руки, я сделала глубокий вдох и двинулась вперед, постукивая тростью по полу и отчаянно надеясь на то, что смогу самостоятельно найти дверной проем в свою новую спальню, но с каждым шагом мне все больше и больше казалось, что я приближаюсь к безграничной черной пустоте и впереди меня нет ничего, кроме высокого-высокого обрыва, не имеющего дна, в который я буду падать вечно.

Жизнь слепого – это совсем не жизнь, в этом я убеждалась все больше и больше.

2

(август 1978)

Я сижу на стуле перед кроватью и наблюдаю, как быстро поднимается и опускается грудь папы во время прерывистого дыхания, сопровождающегося ужасающим болезненным свистом. С каждым днем его состояние становится хуже и это невозможно не заметить. Сколько ему осталось? Неделя? Месяц? Быть может, два? Сомневаюсь, что он протянет дольше, но точно также я думала и девять месяцев назад, а папа все еще цепляется за жизнь и не собирается сдаваться.

Я смотрю, как раздувается под простыней его и без того вздутый живот и, замерев на долю секунды, тут же проваливается обратно. Счастливый, с завистью думаю я, глядя на папу, ведь он, несмотря на свое удручающее состояние, хотя бы имеет возможность выспаться, чего мне не удастся сделать уже второй месяц, потому что кошмары, которые стали посещать меня с завидной регулярностью и в которых я вижу убитого мною восьмилетнего Вилсона Берри, продолжают мучить меня все сильнее, да так, что, запершись в своей спальне, я боюсь закрыть глаза и уснуть, чтобы снова не увидеть его мертвые глаза.

Я задерживаю дыхание и прислушиваюсь... Неужели случилось страшное?

Вдруг папа что-то бормочет сквозь сон себе под нос, и его живот снова стремительно взлетает вверх, сопровождаемый все тем же страшным свистом, от которого по моей коже бегут мурашки.

Нет.

Он все еще жив.

Слава Богу. Пусть он поживет еще хоть немного.

Очередной провал живота и тишина. И снова мои мысли неизбежно возвращаются к мысли о том, что это был его последний выдох. Папа знает о том, что дела его совсем плохи, но не хочет умирать. Его страшно пугает мысль о смерти, поэтому он ведет себя последнее время агрессивно, даже хуже, чем раньше, а вспышки гнева посещают его все чаще.

Даже чаще, чем тогда, когда он был молод и абсолютно здоров.

Но я не должна обращать внимание на его поведение. Моя задача, как единственного оставшегося у него родного человека – облегчить его страдания. Он мой отец, а я его дочь. Вот, что важно. Я перевожу взгляд в сторону и некоторое время рассматриваю изогнутый деревянный костыль, приставленный к прикроватной тумбочке, а потом опускаю глаза на тяжелый медный набалдашник на его нижнем конце.

– Оби, – внезапно бормочет папа, а в следующую секунду его налитые кровью по краям и желтые вокруг зрачков глаза распахиваются.

– Я здесь, – с готовностью отвечаю я.

– Моя посудина, – шепчет он, морщась от боли и пытаюсь сесть в постели. – Она уже переполнена...

Я поднимаюсь на ноги:

– Сейчас я ее поменяю, папа.

– А чем же ты занималась до этого? Или тебе нравится смотреть на то, как твой отец тонет в собственном дерьме, тупая корова?

Его голос затихает, но через мгновение он бормочет себе под нос еще несколько проклятий:

– Ты ничем не лучше тех идиотов из окружной больницы... – это единственная часть его тирады, которую мне удается уловить краем уха.

Склонившись над папой, я просовываю руку под простыню и достаю посудину, не без удивления обнаружив, что она абсолютно чистая. Всё как обычно. Он просто издевается надо мной и придирается к каждой мелочи. Ему нравится делать это.

– Чего уставилась своими бесстыжими глазами? – шипит он с ненавистью. – Пошевеливайся!

– Сейчас я всё исправлю, – только лишь вздыхаю я, не желая вступать с ним в бесполезный спор.

– Ты должна была давно уже сделать это, бесполезное животное!

– Мне очень жаль, я...

– Черт возьми, как же ты отвратительна! Так ты платишь добром тому, кто вырастил тебя? Ты неблагодарная тварь, которую мне стыдно называть своей дочерью!

Слегка вздрагивая от его жестоких и очень обидных слов, я испытываю искушение возразить и сказать папе о том, что посудина абсолютно чистая, но сдерживаю себя, чтобы не злить его еще больше, а потом разворачиваюсь к выходу, всем своим видом показывая, что направляюсь вымыть ее и вернуть на положенное место. Остановившись в дверном проеме, я оборачиваюсь и спрашиваю с надеждой в голосе:

– Ты уверен, что не хочешь еще раз подумать о профессиональной сиделке? Вчера они снова звонили и предлагали свои услуги. Сиделка занималась бы тобой, а я смогла бы больше времени уделять хозяйственным нуждам и...

– Об этом не может быть и речи! – отрезает он хриплым, свистящим голосом и его глаза наливаются кровью еще сильнее. – Я не хочу, чтобы кто-то посторонний жил в моем доме, да еще и платить за это из собственного кармана! В конце концов, разве я зря вырастил собственную дочь?

– Нет, но...

– То-то же! А теперь проваливай отсюда, да поскорее возвращайся с чистой посудинкой, черт бы тебя побрал!

– Конечно, папа, – покорно отвечаю я и выхожу из комнаты. – Я вернусь очень быстро.

Добравшись до ванной комнаты, я смотрю на себя в висящее над раковиной зеркало. Это старинное зеркало в резной металлической рамке очень давно установила на этом месте моя мама, о которой я почти ничего не помню, так как она умерла едва мне только исполнилось восемь лет. Это единственная вещь, за исключением, пожалуй, еще пианино, стоящего в гостиной, которая осталась от нее в этом доме, и которая напоминает мне о том, что когда-то у меня была мама. Прошло уже двенадцать лет с ее смерти, но именно в последнее время я остро чувствую, как сильно мне ее не хватает.

Я вздыхаю и рассматриваю темные мешки под своими уставшими глазами, понимая, что выгляжу так, словно мне не двадцать лет, а сорок или даже пятьдесят. Боже, как я устала. Я чувствую себя физически и морально истощенной, но всеми силами пытаюсь оставаться сильной, хотя с каждым днем делать это становится все труднее и труднее.

– Оби! – внезапно кричит папа сверху, раздраженно стуча по половицам медным набалдашником своего массивного костыля. – Чего ты там возишься, словно дохлая курица! Быстрее тащи наверх мою чертову посудину!

3

(август 2018)

– Теперь я понимаю, как у нас получилось позволить себе арендовать целый дом, – немного раздраженным голосом снова начала я, сидя за обеденным столом и прислушиваясь к тому, как мама хлопчет возле плиты, приготавливая ужин. – И, если учесть, что ты вряд ли решилась ограбить банк, то могу предположить лишь то, что дом готовится к сносу и мы живем в нем совершенно бесплатно, так?

– Ты совершенно не права, милая.

– Но тогда откуда у тебя взялись деньги? – не унималась я. – Мы же нищие...

– Мы не нищие, Джесси! – возразила мама. – Как ты смеешь говорить так?

– Ладно, мы не нищие. Мы – богачи! Мать – ночная уборщица офисов и дочь – инвалид, так тебе больше нравится? Поделишься со мной, как случилось так, что мы оказались в состоянии арендовать целый дом?

– Это не самый большой дом в не самом престижном районе города...

– Но все же? Где ты взяла деньги?

– Джесси, родная, в чем ты хочешь упрекнуть меня? Уж не в том ли, что я потратила все свои сбережения на твои дорогостоящие операции?

Внезапно зажужжал виброзвонок ее мобильного и по молчанию мамы я поняла, что она подняла его со стола, поднесла к глазам и приступила к чтению сообщения.

– Что там, мам?

– Ничего особенного, милая. Сообщение от мистера Кеттлера, в котором он просит меня выйти в ночную смену на пару часов раньше, так как Ненси Клиффорд прихворала. Обещает щедро доплатить мне за переработку, что скажешь?

– Ну хоть кто-то еще помнит о твоём существовании, – вздохнула я, но тут же замолчала, понимая, что опять перегибаю палку. Мама, действительно, потеряла всех друзей и круг общения, но только лишь потому, что все свое свободное время была полностью погружена в мою реабилитацию. Прикусив губу, я заставила себя замолчать понимая, что стала в последнее время довольно агрессивной.

– Может быть... – неуверенно начала мама, – мне не выходить сегодня на работу? Ума не приложу, как смогу оставить тебя одну в новом жилье, ты ведь совсем еще не привыкла к нему...

– Мамочка, – как можно мягче ответила я, стараясь снова не нагрубить ей. – Прошу тебя в сотый раз, не относись ко мне как к ребенку или инвалиду, ведь, чем быстрее ты избавишься от этой привычки, тем быстрее я смогу начать снова ощущать себя взрослым, разумным человеком, понимаешь? Со мной все будет в полном порядке!

– Я знаю, родная, знаю, но... Я волнуюсь.

– Тебе не о чем переживать, мама, – заверила я ее. – Я просто лягу спать, а утром, когда проснусь, ты уже вернешься и мы вместе позавтракаем, идет? Можешь смело отправляться на работу!

– Ты, правда, так думаешь? – с легким волнением в голосе спросила мама после недолгого молчания.

– Я уверена в этом! Тем более, если ты лишишься работы, то чем мы будем платить за аренду этого прекрасного дома?

– Ты права, милая, – со вздохом согласилась мама. – Я очень рада, что ты все понимаешь и смотришь на вещи с позиции взрослого человека. Хочешь, я оставлю включенным свет в комнатах?

– О, боже... – покачала я головой. – Надеюсь, ты шутишь...

– И, все же, я оставлю свет включенным на тот случай, если в дом попытаются забраться воры. Как никак, ты моя единственная дочь и я очень переживаю за твое благополучие.

4

(август 1978)

Я захожу в гостиную и некоторое время с тоской в глазах смотрю на пианино, за которое давным-давно не садилась. Мама очень хотела, чтобы я освоила игру на фортепиано и приобрела его когда-то специально для этого. Я даже успела выучить азы нотной грамоты и подвала большие надежды, однако планам мамы не суждено было сбыться и после ее смерти я забросила обучение, потому что папа был против и считал музыку пустой тратой времени и денег. Он категорически запрещал мне садиться за инструмент, и я имела возможность играть на нем только в то время, когда его не было дома. Со временем я все реже и реже садилась за него и теперь оно простаивает в гостиной, выполняя роль дополнительной полки, уставленной старыми книгами и бронзовыми статуэтками.

Я подхожу к инструменту и кладу ладонь на его теплую, покрытую лаком гладкую поверхность. Я очень хочу сыграть на нем какую-нибудь веселую мелодию в какой-нибудь прекрасный день... Но только не сейчас. Не в это тяжелое время. Сначала у папы началась эта страшная болезнь, а через несколько месяцев после этого я, находясь за рулем своего автомобиля и торопясь домой из магазина, не справилась с управлением и вылетела на обочину, где сбила восьмилетнего мальчика – Вилсона Берри.

Он погиб.

Следствие тянется уже почти полгода, и сейчас мой автомобиль находится на специальной экспертизе, которая сделает окончательное заключение, была ли в смерти ребенка моя вина или причиной аварии стала техническая неисправность машины. На данном этапе следствия полицейские, опросив свидетелей, пришли к выводу, что я не превышала ограничения скорости, установленной на той улице, о чем они уведомили судью во время последнего заседания, и дело получило новый оборот.

На днях состоится очередное, хотелось бы верить, последнее заседание, которое поставит точку в этом деле. Если я буду признана виновной, то меня посадят в тюрьму, а если нет... Если нет, то я продолжу присматривать за папой.

Не знаю, что для меня лучше, поэтому полностью полагаюсь на судьбу и волю всевышнего. Пусть будет так, как будет. Я не боюсь тюрьмы и всецело отдаю себе отчет в том, что должна понести суровое наказание за смерть ребенка, но и за папу я тоже сильно переживаю. Интересно, кто будет присматривать за ним, если меня упекут за решетку? Скорее всего, ему, все же, придется согласиться на сиделку из частной клиники. Но я бы очень хотела, чтобы он провел свои последние минуты рядом с родной дочерью, а не посторонней женщиной...

Я очень устала.

От всех событий, которые навалились на мои хрупкие плечи за последний год.

Я снова с грустью смотрю на пианино и нежно глажу его приятную на ощупь поверхность. Я обязательно сыграю на нем в какой-нибудь прекрасный день, который, разумеется, наступит еще очень и очень нескоро.

Когда-нибудь.

Но не сейчас.

Несмотря на подавленное настроение, от этих мыслей мне становится немного легче, и легкая улыбка касается моих губ. Я наклоняюсь, целую верхнюю крышку пианино и, едва слышно, шепчу ему:

– Я совсем позабыла о тебе... Прости меня, друг. Жаль, что нам совсем не удастся видеться.

– Оби! – кричит папа сверху и с силой барабанит костылем по деревянному полу, вырывая меня из размышлений. – Где тебя носит, будь ты проклята, мать твою! Тащи сюда свою паршивую никчемную задницу и подмети в моей комнате, бесполезное ты существо!

– Иду, – шепчу я, зная, что папа не слышит меня, еще раз с любовью оглядываю пианино, а потом устремляюсь из гостиной. Поднимаясь по лестнице, я отчетливо слышу, как папа бормочет себе под нос проклятия в мой адрес, но это не пугает меня, ведь я давно привыкла к подобному обращению. Входя в комнату, я лишь вздыхаю и принимаюсь за уборку.

– Неудивительно, что ты лишилась работы, – слышу я за спиной его полный презрения голос. – Кто захочет связываться с медлительной курицей, на которую нельзя положиться, если даже я не могу толком разобрать, пытаешься ли ты помочь мне или намереваешься убить.

Я лишилась работы только потому, что начала ухаживать за папой и он прекрасно знает об этом, поэтому нет никакого смысла вступать с ним дискуссию и напоминать об этом. Я молчу и продолжаю подметать пол.

– Как же медленно ты все делаешь! – снова хрипит он после недолгого молчания. – Или, может быть, ты думаешь, что человек, давший тебе жизнь и вырастивший тебя, не заслуживает должного ухода и внимания? Может быть, тебе на самом деле вообще наплевать на меня, и ты просто ждешь, когда я сдохну, чтобы прибрать к своим поганым рукам дом и денежки на моих счетах?

– Мне не наплевать, папа... Как ты можешь говорить так...

– А как еще объяснить твою медлительность и нерасторопность?

Я делаю глубокий вдох, напоминая себе, что лучше молчать и сохранять спокойствие. У папы страшная болезнь, он измучен ею и вымещает свои страдания на том, кто рядом, то есть, на мне. Думаю, это вполне естественно и поддается логическому объяснению. Вымещая на ком-то свою переполняющую душу злобу, обижая его, делая ему больно, каждый из людей испытывает облегчение от того, что другому тоже стало плохо. Люди радуются смертям и неудачам богатых успешных людей и люди не умеют искренне радоваться успехам соседа, у которого яблони плодоносят лучше, чем свои собственные. Они будут улыбаться такому соседу в лицо, а сидя у себя дома за кухонным столом от всего сердца начнут проклинать его, называть выскочкой и желать горя. Мать ребенка-инвалида никогда не будет радоваться тому, что у соседей растут здоровые и крепкие дети, это печальный закон, по принципу которого живет всё человечество. Не многие из людей справляются со своей злобой самостоятельно, ведь если бы каждый из нас умел делать это, то в мире не было бы ни убийств, ни войн, ни зависти, ни ненависти.

– Мне очень жаль, что так вышло, папа, – отвечаю я. – Прости меня, пожалуйста, я постараюсь больше не допускать оплошностей.

Я жду, что он снова начнет ругаться, но он отворачивается к стене и вздыхает, позволяя мне продолжить уборку.

– Надеюсь, ты понимаешь, – продолжает он, не поворачиваясь, – почему именно с тобой произошла авария, в которой ты убила ни в чем не повинного мальчика. Ты – криворукая тупая корова, в этом твоя проблема. Я вырастил криворукую тупую корову, как ни пытался вырастить достойного человека. А может... Может ты специально направила на него автомобиль?

– Не говори так, – молю я его, чувствуя, что сейчас расплачусь.

– Бьюсь об заклад, – продолжает он, не обращая внимания на мою просьбу, – ты наслаждалась видом того, как он доживал последние секунды своей короткой жизни, извиваясь на асфальте в агонии.

Папа поворачивается и пристально смотрит на меня желтыми, налитыми кровью глазами, в которых пылает абсолютная ненависть. Я давно привыкла к этому взгляду, но он, по-прежнему, причиняет мне сильную душевную боль.

– Я прав? Тебе нравится смотреть на страдания людей? – он сплевывает прямо на пол. – В этом дело? Ты грязная извращенка, которой доставляют удовольствие муки родного отца? Так ты платишь мне за то, что я вырастил тебя?

– Конечно, нет, – отвечаю я, чувствуя, как сильно дрожат пальцы рук. – Я хочу помочь тебе и...

– Как его звали, напomini? – резко обрывает он меня. – Мальчика, которого ты убила?

Я слегка вздрагиваю, понимая, что ему абсолютно наплевать на имя убитого мной мальчика, ему просто нравится пытать меня, ведь именно таким образом он успешно борется с собственной болью, видя, что страдает не один.

– Его звали Вилсон, – спокойно отвечаю я, хотя моя душа разрывается в клочья прямо внутри меня, и чувствую боль в сердце, сопровождаемое сильным головокружением. – Вилсон Берри.

Я замолкаю и замираю, вспоминая тот ужасный момент, когда выбралась из искореженного автомобиля и увидела пульсирующее в агонии тело Вилсона Берри, отброшенное к центру проезжей части.

– Когда состоится следующее заседание? – хрипит отец, снова сплевывая на пол серую слюну с примесью желчи.

– На следующей неделе. Во вторник.

– Теперь уже недолго, – ухмыляется папа. – Как ты думаешь, надолго тебя закроют?

Я молчу, с трудом сдерживая слезы.

– Бедный маленький Вилсон Берри, – продолжает ухмыляться папа. – То, что ты сделала с ним – убийство! Ты – убийца! Преступник! Ты вполне заслуживаешь электрический стул! Нет, нет, думаю, будет лучше, если тебя запрут за решетку на всю твою оставшуюся проклятую, жалкую, никчемную жизнь!

Слезы текут из моих глаз, но я продолжаю подметать...

5

(август 2018)

– Повторим еще раз, Джесси.

– Мама, я...

– Пожалуйста, милая, сделай это для меня в последний раз, – твердо сказала мама, давая понять, что спорить бесполезно. – Я хочу быть уверена в том, что ты не сломаешь себе шею за время моего отсутствия.

Я не смогла удержаться от вздоха и покачала головой, а потом произнесла:

– Чтобы добраться из ванной в спальню, мне необходимо сделать восемь шагов до двери, потом повернуть налево и отсчитать еще одиннадцать шагов до лестницы. Ровно двадцать ступенек наверх, потом прямо еще четыре шага, и вот я здесь! Видишь? Я все помню.

– Умница! Теперь я за тебя спокойна.

– В любом случае, у меня есть трость. Ты ведь не думаешь, что я буду, сломя голову, бегать по дому, целенаправленно врезаясь в стены и нанося себе различные увечья, словно сумасшедшая?

– Господи, Джесси... – услышала я взволнованный голос и почувствовала, как старая кровать заскрипела и сильно прогнулась под тяжестью мамино тела, когда она села рядом со мной. Я снова прикусила губу, понимая, что отпустила очередную неуместную шутку. Мама, единственный человек в мире, который по-настоящему переживает за меня и пытается помочь. Она очень тяжело перенесла произошедшее со мной несчастье, это я знала наверняка и была абсолютно уверена в том, что ей нисколько не легче, чем мне.

– Прости, – спешно ответила я. – Конечно, я не собираюсь бегать по дому, врезаясь в стены, мамочка. Я собираюсь выйти из ванной комнаты, повернуть налево и идти прямо, пока не дойду до лестницы, а потом подняться, сделать еще четыре шага вдоль левой стены и оказаться в этой самой спальне, где находимся сейчас мы с тобой. Назад – в обратном порядке. А если мне нужна будет кухня, то по пути из комнаты, в самом конце, я должна буду повернуть не направо, а налево... Кстати, ты не опаздываешь на работу?

– Остановка находится недалеко от дома и до бизнес-центра «Раунд-Молл», в котором я сейчас работаю, мне ехать не больше пятнадцати минут. Это еще один плюс нашего нового жилища. Я просто... Родная, я хочу, чтобы ты знала, что я не пошла бы сегодня на работу, если бы это не было жизненной необходимостью. Я так сильно люблю тебя и...

– Я понимаю, – оборвала я ее. – Пожалуйста, не надоедай мне очередными извинениями... – я вздрогнула, понимая, что опять веду себя слишком резко, поэтому быстро добавила. – Я не это имела в виду, мамочка... Я тоже тебя очень люблю. Смело иди на работу и не волнуйся. Ты вернешься в девять утра и не найдешь меня у подножья лестницы со сломанной шеей.

– Я плохая мать, – прошептала она в ответ. – Я не уберегла тебя... Господи, ну почему я не отобрала у тебя ключи от машины и позволила уехать на эту злосчастную вечеринку?

– Все в прошлом, мамочка, – глухим голосом отозвалась я, стараясь не показывать ей, что вот-вот расплачусь от бессилия и безнадежности. – Я сама во всем виновата. Только я и никто больше... Ты не виновата в том, что тебе приходится работать ночами, чтобы прокормить нас, и не твоя вина, что у тебя есть дочь, которая росла такой самоуверенной, эгоистичной и непослушной дурой...

– Прошлое есть прошлое, – тихо согласилась мама и по ее тону я поняла, что она тоже близка к тому, чтобы разрыдаться. – Помнишь, что я говорила тебе в больнице? Мы не должны заикливаться на прошлом, иначе у нас не будет будущего. Поверь мне, я знаю по опыту, каково это – позволять сожалениям и воспоминаниям терзать твой разум.

Я хотела было возразить ей, что у меня в любом случае нет будущего, но на этот раз – не знаю, каким образом – мне удалось сдержать рот на замке и не доставать из него свой острый язык.

– Я вернусь в девять, милая, – добавила мама, а потом, вздохнув, поднялась с кровати. – Держись подальше от неприятностей.

– Прости меня за то, что иногда бываю несносной, мамочка, – добавила я, едва сдерживая слезы. – Я очень ценю все, что ты для меня делаешь. Я перестану быть крысой. Обещаю.

– Не будь так строга к себе, – ответила мама. – Ты через многое прошла, родная, но все образуется и встанет на свои места, обещаю.

– Это не оправдание тому, что я плохо относилась к тебе до трагедии.

– Перестань. Я ничего этого не помню. Увидимся утром, милая.

– Хорошей смены, – пробормотала я, прислушиваясь к ее удаляющимся шагам. Внезапно мне очень сильно захотелось, чтобы она осталась дома, но я точно знала, что не могу требовать от нее этого. Я должна вести себя не как испуганный пятилетний ребенок, а как разумный взрослый человек. Через пару минут я услышала, как входная дверь захлопнулась и сразу же после этого раздался скрежет замка, закрываемого ключом с наружной стороны дома.

6

(август 1978)

Сидя в своей кровати, я прислушиваюсь к охватившей дом тишине и понимаю, что папа, наконец-то, уснул. Медсестра из окружной больницы придет рано утром и поэтому мне тоже необходимо выспаться, но я боюсь ложиться спать. Я знаю, что снова увижу этот страшный сон, в котором маленький Вилсон Берри спрашивает меня за что я убила его, проснусь в холодном поту и все равно уже не смогу сомкнуть глаз до самого рассвета...

Боже, как я устала...

Но я сама заслужила это, поэтому не жалуясь, а просто продолжаю сидеть в постели, умоляя Господа только о том, чтобы не дал мне сойти с ума до папиной кончины, и грустные мысли бесконечной чередой проносятся в моей голове. Мне нельзя спать. По крайней мере, если я буду бодрствовать, то мне не приснится кошмар, я не закричу и не разбужу папу. А если закричу, он проснется и снова будет сыпать своими жестокими оскорблениями и унижениями. «То, что ты сделала с ним – убийство! Ты – убийца! Преступник!» – услышала я в голове еще хриплый, полный презрения крик.

– Я убийца... – шепчу я, чувствуя, как слезы снова льются из моих глаз. – Я...

Вдруг я слышу слабый скрип половиц, раздающийся из коридора. Я замираю и прислушиваясь, однако ничто, кроме настенных часов не нарушает вокруг меня холодной тишины.

Показалось.

Боже, как я устала...

Может быть, действительно, только электрический стул избавит меня от страданий, переживаний и проблем? Пожалуй, я стану первым преступником в Америке, который сядет на него с облегченной улыбкой и надеждой избавления во взгляде.

И вдруг я, пытаясь отвлечься от этих дурных мыслей, вспоминаю, как гладила сегодня свое любимое пианино, и как сильно мне полегчало после общения с ним. В голову приходит невероятная мысль. Я понимаю, что очень хочу сесть перед ним на стул хоть ненадолго и снова погладить его теплую лаковую поверхность, быть может, это поможет мне отвлечься, успокоиться и привести в порядок голову. Сама эта идея настолько безумна, что я никогда бы не отважилась на ее воплощение, если бы папа был в состоянии передвигаться самостоятельно и застучать меня в гостиную, сидящей перед инструментом. Естественно, я не рискну играть на нем, поскольку это примерно тоже самое, что подписать себе смертный приговор, ведь папа будет вне себя от ярости. Я просто прошмыгну, как мышка, в гостиную, посижу перед пианино на круглом стуле, поглажу его, быть может, даже всхлипну и оброну одинокую слезу, но не более.

Я с опаской смотрю на дверь своей комнаты и прислушиваюсь к приглушенному свисту папиного храпа, раздающегося из-за стены.

Решено. Я иду в гостиную.

7

(август 2018)

Мама ушла. Только сейчас я осознала, что осталась в доме совершенно одна. Я прислушалась к окружившей меня тишине и мне стало немного не по себе. Порой тишина может пугать сильнее самого громкого грома. Интересно, мелькнула мысль, оставила ли мама включенным свет в спальне или нет. Конечно, это не имело для меня никакого значения, но сейчас я бы не отказалась от того, чтобы свет, все же, был включен.

Вздыхнув и решив отвлечься от нахлынувшей на меня тоски, я решила спуститься на кухню и попытаться самостоятельно приготовить себе чашку чая, поэтому, вооружившись тростью, поднялась с кровати и двинулась к выходу из комнаты. В целом, несмотря на то, что наш новый дом оказался совсем немаленьким, я довольно быстро научилась ориентироваться в его стенах, поэтому дорога до кухни не отняла у меня много времени и не создала мне никаких проблем.

Уже находясь внизу, я открыла один из шкафов и ощупала пространство в поисках чашки.

Жизнь – безжалостная и непредсказуемая штука, горько усмехнувшись, подумала я. Мне всего лишь двадцать лет, но, вместо того, чтобы тусоваться сейчас с подругами на какой-нибудь модной вечеринке в окружении красивых парней, я вынуждена, словно старая одинокая бабка коротать остатки вечера, довольствуясь чашкой чая. Интересно, если бы я бы год назад узнала о том, что очень скоро потеряю зрение благодаря собственной глупости, поверилось бы мне в это или я просто бы расхохоталась и двинулась на очередную пропитанную выпивкой, наркотиками и легким сексом вечеринку? Скорее всего, второе, ведь я уже тогда была слепа. Не в буквальном смысле, конечно, а в переносном. Боже, как слепы мы в молодости, и этой слепотой мы заражаемся только лишь благодаря излишней самоуверенности и беспечности. Мы молоды, сильны, и нам кажется, что никакая беда не может встать на нашем пути. Нам кажется, что мы владеем миром, а не он нами. Нам кажется, что мы устанавливаем правила игры, а не жизнь устанавливает их для нас.

Как же сильно я ошибалась.

Я снова горько усмехнулась и вдруг...

Со стороны лестницы раздалось несколько коротких скрипов, а через несколько секунд еще один скрип повторился в дальнем конце коридора, словно кто-то очень осторожно, стараясь оставаться незамеченным, прошмыгнул со второго этажа в гостиную...

8

(август 1978)

Я останавливаюсь в центре темной гостиной и снова с любовью смотрю на инструмент, а потом медленно подхожу к нему, не веря своему счастью, опускаюсь на круглую табуретку, стоящую перед пианино, и с грустью смотрю на его приятную темно-коричневую поверхность. Боже, как давно я не играла на нем, думаю я, и по телу пробегает легкая дрожь.

Папа всегда был противником музыкальных инструментов и считал уроки фортепиано бесполезной тратой денег, а после смерти мамы лишил меня возможности продолжать обучение, прекратив оплачивать труд педагогов. Пианино все эти двенадцать лет продолжает стоять в гостиной, словно ненужный хлам, и давно бы заросло толстым слоем пыли, если бы я исправно и с любовью не вытирала его поверхность влажной тряпкой.

Мой несчастный одинокий инструмент, как же я люблю тебя! Мы чем-то похожи с тобой, мы оба никому не нужны и оба молча, смирившись, терпим свое существование. Ты не живешь жизнью пианино, а я не живу жизнью человека. Думая об этом, я поднимаю громоздкую крышку и кладу слегка дрожащие от радостного возбуждения пальцы на клавиши. Я закрываю глаза и некоторое время завороченно сижу, наслаждаясь воспоминаниями и чувствуя, как растет в груди предвкушение.

Самым правильным поступком было бы встать и выйти из гостиной, но я чувствую, что уже упустила эту возможность. Я открываю глаза и задумчиво смотрю на клавиши, вспоминая, как мама, когда еще была жива, хвалила меня и говорила, что из меня получится хороший пианист.

Будь, что будет.

Я ничего не могу поделать с собой, поэтому снова закрываю глаза и нежно нажимаю на клавиши. По гостиной разливается легкая классическая мелодия, которую я очень хорошо помню из детства. Она наполняет пространство радостью, делает воздух чище, растворяет мрак ночи и избавляет меня от одиночества.

Боже, как это прекрасно! Я чувствую, что музыка уносит меня из этого жестокого и несправедливого мира, наполненного безнадежностью и злостью. Целиком погрузившись в исполнение композиции, я продолжаю держать глаза закрытыми и понимаю, что мои душа и сердце наполняются спокойствием и счастьем. Мне кажется, что я нахожусь далеко-далеко от дома на каком-то заброшенном теплом пляже, покрытом золотистым песком, слушаю шелест прибоя, пение чаек и играю, играю на своем инструменте, стоящим почти у самой кромки воды, с неописуемым наслаждением. Напряжение и тоска покидают меня.

А в следующую секунду я слышу сильные удары костылём об пол и отчаянные гневные крики, раздающиеся со второго этажа, но не могу разобрать слов, да и какая разница? Уверена, папа не придумал новых ругательств и оскорблений, а по-прежнему довольствуется старыми, коих он знает в избытке.

Плевать!

Я бросаю короткий счастливый взгляд в сторону выхода из гостиной, на моем лице расплывается безоблачная, светлая улыбка и я, совершенно потеряв рассудок от окутавшего меня блаженства, сильнее ударяю по клавишам и звуки музыки поглощают папины вопли. Он сейчас, наверное, разрывается в проклятиях, разбрызгивая зловонную слюну по стенам своей спальни, яростно стучит костылем по полу и требует, чтобы я немедленно прекратила играть, но мне абсолютно наплевать на это.

Боже, какое счастье!

Я снова закрываю глаза и теперь мне кажется, что я сижу на сцене огромного зала и тысячи завороченных лиц направлены на меня со всех сторон...

Вдоволь насладившись музыкой, выбившись из сил и одновременно с этим почувствовав небывалый прилив энергии, счастья и беззаботности, я, наконец, убираю пальцы с клавиш, закрываю крышку и с любовью глажу ее своими уже не дрожащими руками.

– Спасибо, – не в силах скрыть блаженную улыбку, обращаюсь я к инструменту. – Это было потрясающе!

– Оби! Немедленно прекрати, будь ты проклята, паршивая девчонка! – в следующую секунду слышу я омерзительное хриплое карканье.

9

(август 2018)

Со стороны лестницы раздался короткий скрип, а через несколько секунд повторился в дальнем конце коридора, словно кто-то очень осторожно, стараясь оставаться незамеченным, прошмыгнул со второго этажа в гостиную...

Я вскочила, замерла и прислушалась, затаив дыхание, но скрип больше не повторился.

Что это было, спрашивала я себя, чувствуя, как быстро и сильно мое сердце бьется об грудную клетку. Неужели показалось или в доме, действительно, есть кто-то, кроме меня?

– Мама? – крикнула я на всякий случай.

Ответа не последовало, но это не удивило меня. Мама ушла на работу всего лишь пару часов назад, и она не имела привычки возвращаться раньше и тайком проскакивать мимо, не поздоровавшись.

Но все же...

Что это было?

Я постаралась взять себя в руки, успокоиться и начать рассуждать логически. Лестница, явно, не могла скрипеть сама по себе, если на нее никто не наступил. Или могла? В конце концов, это всего лишь старый дом, постепенно проседающий под собственным весом и лишенный должного ремонта, поэтому, возможно, он умеет издавать какие-то звуки, наподобие тех, которые издает высохшее дерево, повинувшись дуновению ветра. Но откуда у нас в доме ветер? Сквозняк? Мама никогда не оставляет окна открытыми в свое отсутствие, дабы быть уверенной в том, что я не вывалюсь из открытого окна и не сломаю себе шею. Мысли лихорадочно завертелись в моей голове. Неужели к нам забрались воры? А вдруг это не воры, а какой-нибудь маньяк, прознавший про то, что по ночам в доме остается одна слепая беззащитная девчонка, не способная постоять за себя? Он изнасилует меня в извращенной форме, а я даже не смогу опознать его на суде... Если он вообще оставит меня в живых... От этих мыслей у меня мурашки поползли по спине.

– Предупреждаю, я вооружена! – крикнула я в сторону коридора неуверенным голосом. – Немедленно покиньте дом! Частная собственность неприкосновенна и охраняется законом!

Тишина.

Ни звука. Ни стука. Ни скрипа.

Нет, видимо, все-таки, мне просто показалось, или этот таинственный скрип имел объяснимую с точки зрения физики причину.

Выдохнув, я плюхнулась обратно на стул, понимая, что пить чай мне совершенно захотелось. Посидев еще некоторое время в неподвижной позе и тщательно прислушиваясь к окружающей меня тишине, я окончательно успокоилась, но теперь почувствовала, что совершенно выбилась из сил и сильно захотела лечь в кровать и как следует выспаться. Еще раз прислушавшись к окружающему меня беззвучию, я, на всякий случай взяв с собой кухонный нож с длинным широким лезвием, который, видимо, предназначался для рубки мяса, и который я обнаружила в верхнем ящике стола, двинулась из кухни. Добравшись без особого труда до своей комнаты, я растянулась на кровати и сладко потянулась, осознавая, что сделала правильный выбор, решив не пить на ночь чай, а лечь в постель. Свесив руку вниз, я положила нож на пол, понимая, что как бы глупо это действие не выглядело со стороны, оно давало мне ощущение защищенности и безопасности. Осознавая в глубине души, что вряд ли смогу воспользоваться этим ножом в случае возникновения внезапной угрозы, я улыбнулась сама себе и уже приготовилась было задремать, как вдруг...

Не веря своим ушам, я медленно оторвала голову от подушки, села в постели и затаила дыхание.

Мне точно не могло показаться это.

Сквозь окружавшую меня тишину я отчетливо расслышала, словно на первом этаже кто-то играет на пианино какую-то красивую классическую мелодию.

10

(август 1978)

– Оби! Немедленно прекрати, будь ты проклята, паршивая девчонка!

Я вздыхаю. Зал, наполненный благодарными зрителями, стремительно растворяется в глубинах моего сознания, уступая место знакомым звукам привычной жизни. Папа продолжает выкрикивать оскорбления, угрозы, с силой стуча своим ненавистным костылем по полу комнаты. Представляю, как налиты сейчас кровью его желтые глаза...

Я медленно встаю, выхожу из гостиной и, миновав коридор, поднимаюсь по лестнице, готовясь к самым отвратительным словам в свой адрес, а потом останавливаюсь на пороге его тускло освещенной ночником спальни. Папа замолкает и некоторое время смотрит на меня безумным взглядом, восстанавливая силы и дыхание, потраченные на приступ ярости.

– Какого черта, Оби? – шипит он, наконец. – Разве я разрешал тебе играть на этом проклятом инструменте, паршивая ты тварь, да еще и посреди ночи?

– Я всего лишь...

– Ты решила послушаться отца, шлюха? – хрипит он и тон его голоса вновь повышается, а в следующую секунду папа запускает в меня костылем. Я стараюсь увернуться, но медный набалдашник, все-таки, преболжно угождает мне прямо в голень, и я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать от боли и обиды.

– Ты решила послушаться человека, который вырастил тебя, мразь?! – не унимается папа, снова приходя в ярость. – Меньше всего на свете мне хочется слушать твои дерьмовые попытки играть музыку! Ты ничтожество! Ты была ничтожеством в детстве и продолжаешь оставаться им сейчас!!! Ты понимаешь это?!.. Если я еще хоть раз услышу нечто подобное... – он на мгновение замолкает. – Поверь мне, я найду в себе силы, доберусь до заднего двора, достану из сарая садовые ножницы и отрежу ими твои чертовы пальцы! Все, до единого, а потом заставлю сожрать их по очереди в сыром виде, ты усекла, мерзкая свинья? Подай сюда мой чертов костыль, идиотка!

Я наклоняюсь и, беззвучно заливаясь слезами, поднимаю с пола его костыль.

Всё, как всегда.

Как было вчера и как будет завтра.

11

(август 2018)

– Как видишь, ночь прошла в полном порядке, – не без гордости сказала я маме, прислушиваясь к тому, как она готовит завтрак и хлопчет возле плиты. – Я очень хорошо выспалась.

Конечно, это было ложью. На самом деле, после того как прекратились звуки музыки, продолжавшейся около пяти минут, а может, и того меньше, я не смогла сомкнуть глаз ни на секунду и, забравшись под кровать и крепко сжимая в руке кухонный нож, лежала до самого утра на прохладном деревянном полу в окружающей меня беззвучной тишине, трясясь от страха и боясь пошевелиться. Наконец, когда до прихода мамы, по моим расчетам, оставалось совсем недолго, я кое-как погрузилась в легкую нервную дремоту ровно до тех пор, пока не услышала скрежет ключа в дверном замке. Пожалуй, я никогда раньше так сильно не радовалась звуку открываемой двери, как сегодня утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.